

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА: ИВАН ШМЕЛЕВ

(Воронежская государственная технологическая академия, Россия)

Ключевые слова: литература русского зарубежья, литературный процесс, элементы поэтики, пейзаж.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы актуальности изучения творчества русского прозаика И.Шмелева, в частности, вопросы изучения поэтики. Анализируется формирование особой поэтики на базе реалистических и модернистских приемов повествования, что с особой очевидностью проявляется в таком значимом элементе повествования, как пейзаж.

Keywords: Russian literature, literary process, elements of poetry, landscape.

Abstract: The article discusses the necessity of studying the literary works of Russian prose-writer I. Shmelev, particularly, poetics. The author analyses formation of special poetics on the basis of realistic and modernistic methods of narration, which is to be observed in such a significant narrative element as a landscape.

* БУДНИК Ирина Александровна – преподаватель кафедры русского языка ВГТА
Рецензент – СТЕКОЛЬНИКОВА Нина Вячеславовна – к.ф.н., зав. кафедрой русского языка ВГТА

Еще несколько лет назад в нашей стране по ряду социально-идеологических причин господствовало убеждение, что эмиграция для художника губительна и, будучи оторванным от своего советского отечества, даже талантливый художник не способен создать ничего значительного.

Конечно же, эмиграция – это трагедия. Однако, как показало время, талант уже известных до революции художников слова не исчез (об этом свидетельствуют имена И. Бунина, М. Алданова, В. Ходасевича, З. Гиппиус, Н. Тэффи), другие же именно в эмиграции выросли в крупных писателей и поэтов (среди них можно назвать Г. Иванова, Г. Газданова, В. Набокова, Н. Берберову, Б. Поплавского). Сегодня, когда наконец восстанавливается единство русской литературы, к нам возвращаются имена А. Ремизова, Б. Зайцева, Д. Мережковского, С. Черного, А. Аверченко. Одно из первых мест в этом списке занимает И. Шмелев. Принадлежность писателя к так называемой «литературе русского зарубежья» стала причиной сравнительно малой изученности работ этого замечательного прозаика. До недавнего времени мы могли судить о его творчестве лишь по изредка издававшимся (в 1940, 1960, 1966, 1980 гг.) в советское время в России рассказам и повестям из его дореволюционных сборников. В них входили две повести – «Человек из ресторана», «Гражданин Уклейкин» и рассказы «Росстани», «Забавное приключение», «Пугливая тишина» и некоторые другие. Для российского читателя во всех учебниках и литературоведческих трудах разговор об И.Шмелева заканчивался отъездом из России: «Русский писатель...С 1922 года эмигрировал...»[1]. А между тем, большая часть произведений И.Шмелева написана именно в эмиграции – всемирно известные «Солнце мертвых», «Лето Господне», «Богомолье», «Пути небесные», цикл рассказов «Про одну старуху» и многое другое. За рубежом И.Шмелев был одним из самых читаемых русских писателей, он был номинирован на Нобелевскую премию, его книги переводились на 20 языков.

В России же отношения с критикой изначально складывались непросто. В статье «Возрождение реализма» [2] в числе русских писателей-

реалистов, наряду с М.Горьким, И.Буниным, А. Толстым, было названо и имя И.Шмелева. Говорили о реалистической тенденции его творчества, о продолжении И.Шмелевым традиций русской классической литературы, обращали внимание на нравственный и социальный аспекты его произведений. Дореволюционная критика была представлена в основном рецензиями и краткими отзывами на новые произведения И.Шмелева и, по мнению М.Дунаева, была недостаточно аргументированной, ограничивалась лишь общими рассуждениями о тех или иных особенностях произведений писателя [3]. Ранние рассказы были положительно оценены М.Горьким: «Из ваших рассказов я читал «Уклейкина», «В норе», «Распад» - эти вещи внушили мне представление о Вас как о человеке даровитом и серьезном. Во всех трех рассказах чувствуется здоровая, приятно волнующая читателя нервозность, в языке были «свои» слова, простые и красивые, и всюду звучало драгоценное русское юное недовольство жизнью. Все это очень заметно и выделило Вас в памяти моего сердца» [4].

С отъездом писателя из России критики как будто забыли про него. И все-таки о Шмелеве писали, правда, за рубежом, но зато довольно много и основательно; только по-немецки были созданы две фундаментальные работы Н. Ашенбреннера [5] и В. Шрика [6], существуют серьезные исследования и на других языках, велико количество статей и рецензий, большая часть из которых еще не переведена. В своих воспоминаниях об И.Шмелеве В. Крейд пишет следующее: «На Западе многие считали Шмелева не только одним из больших эмигрантских писателей, но и одним из лучших писателей-реалистов...Шмелев – один из тех немногих эмигрантских писателей, о ком в эмиграции были написаны книги...» [7].

В советском литературоведении имя Шмелева основном лишь изредка упоминалось в работах обзорного характера, посвященных рассмотрению общих закономерностей литературного процесса XX века.

В последние несколько лет ситуация кардинально изменилась. Эмигрантские произведения И. Шмелева, не издававшиеся в России почти

полвека, стали доступны массовому читателю, вернулся в Россию архив писателя, в мае 2000 года в Москве на кладбище Донского монастыря был перезахоронен прах И.Шмелева – закончились скитания по чужбине «самого русского из всех русских писателей» (так называл И.Шмелева К. Бальмонт), пронесшего через всю жизнь и творчество любовь к России. Все это послужило причиной всплеска внимания к личности и произведениям И.Шмелева. В современном отечественном литературоведении появилось значительное количество работ, посвященных творчеству писателя: множество статей (А.М. Любомудрова, О.Н. Михайлова, Е.Н. Осьмининной, М.М. Дунаева и др.), ряд диссертаций (Л.Е. Зайцевой, С.С. Таяновой, М.Ю.Трубициной и др.) и даже попытки монографических исследований (О.Н. Сорокиной, А.П. Черникова). Следует отметить, что в большинстве работ акцент делается, как правило, на проблематику произведений И.Шмелева, на их религиозно-философскую подоснову. В частности, об этом свидетельствуют даже названия вышедших за последние несколько лет диссертаций: Зайцева Л.Е «Религиозные мотивы в позднем творчестве И.С.Шмелева, 1927-1947гг.», Трубицына М.Ю. «На пути к Лету Господню: Онтология веры в художественной эволюции И.С.Шмелева», Таянова Т.А. «Творчество И.С. Шмелева как феномен религиозного типа художественного сознания в русской литературе первой трети XX века» и др. Значительно меньшее внимание уделяется поэтике, в настоящее время она остается все еще мало изученной. Между тем, особую роль в формировании поэтики произведений И.Шмелева играет пейзаж. Есть все основания говорить о формировании в прозе писателя на базе реалистических и модернистских приемов повествования особой поэтики, которая с особой очевидностью проявляется именно в пейзаже.

Пейзаж в произведениях И.Шмелева эволюционирует на протяжении всего творческого пути писателя. По мнению многих исследователей, в частности И.А. Ильина, творчество И.Шмелева революцией и ее трагическим опытом делится, правда условно и приблизительно, на два периода: до и

после 1917 года – соответственно ранний и поздний, отличающиеся друг от друга не только проблематикой, но и поэтикой. «В испытаниях, потрясениях и страданиях революционной эпохи мастерство Шмелева достигает своей настоящей высоты и создает свои лучшие вещи» [8]. Параллельно с оттачиванием таланта совершенствовался, видоизменялся и пейзаж, в частности его функции.

Первые природоописания построены в соответствии с реалистическими канонами, однако уже тогда эти каноны начинают разрушаться, приобретая качественно новые черты. Примером подобного отступления от канонов построения пейзажа могут послужить некоторые фрагменты из повести «Гражданин Уклекин» (1907), в которых наблюдается появление новой зависимости в отношениях «человек – природа», когда не природа влияет на внутреннее состояние человека, а напротив, внутреннее состояние человека проецируется на природу. Появление царского манифеста, обещающего права и свободы гражданам, привносит надежду в тяжкую жизнь сапожника Уклекина, придает его существованию смысл, заставляет взглянуть на мир другими глазами: «Белая афиша потрескивала на ветру, шевелились буквы, точно кто-то сидел за ней, двигался и говорил неслышно «Граждане избиратели». И даже резкий февральский ветер, крутившийся по площади и с сухим, замиравшим потрескиванием кидавшим в бумагу и в лицо мелким снежком, не чувствовался» [9]. По традиции ветер в подобной ситуации должен был бы стать причиной ухудшения настроения или, например, вызвать душевную тревогу, однако ничего подобного не происходит – в этом – отступление от привычных канонов.

В начале творческого пути И.Шмелева пейзаж в его ранних повестях и рассказах («Гражданин Уклекин», «Стена», «Под небом», «Забавное приключение» и др.) выполнял преимущественно традиционную фоновую функцию (например, обозначал место и время действия), оттеня тем самым фабулу, раскрывал психологическое состояние героя, то есть был больше

значим фабульно, чем сюжетно. Так, в первых главах повести «Человек из ресторана» (1911) темнота и холод ночи соответствуют душевной тревоге героя, символизируя одновременно беспросветность его тяжелой жизни.

Плюс ко всему природа в дореволюционных произведениях И.Шмелева становится своего рода катализатором, выявляющим степень нравственности или безнравственности, душевной мягкости или черствости героев. Стремление к упрочению материального положения, бытовому комфорту является одной из важных причин отдаления человека от природы, утраты способности любить и понимать этот мир, слышать его «зов». Весьма показательна в этом отношении повесть «Стена» (1910), в которой отчужденность человека от мира природы выводится на первый план. Келдыш В.А., анализируя взаимоотношения человека и природы в этой повести, назвал их «диалогом глухих» [10], так как, несмотря на внешнюю близость, внутреннего контакта между ними не возникает.

Быт подавляет человека, мешает его полнокровному существованию. Отсюда возникает стремление многих героев ранних рассказов и повестей (Уклейкина в повести «Гражданин Уклеикин», охотника Дробь в рассказе «Под небом» и др.) уйти в природу, чтобы хотя бы на время отвлечься от всего суетного, фальшивого, преходящего, почувствовать родство с окружающим миром, ощутить свою причастность к «светлой божьей» жизни.

В более поздних произведениях И.Шмелева пейзажи обретают достаточно высокую степень самостоятельности, выдвигаются зачастую в ряд активных участников событий и, подчиняясь авторскому замыслу, начинают выстраивать собственную фабулу, помогают автору создать свой миф. Это связано с тем, что постепенно быт все больше вытесняется бытием, и акцент с человека смещается на природу, так как, по мнению писателя, именно она, в отличие от человека, более связана с бытием, нежели с бытом.

Со временем важнейшей функцией пейзажа в творчестве И.Шмелева становится концептуальная. По большому счету, пейзаж в поздних произведениях писателя интересен не как образно-стилистическая величина,

выступающая в повествовании наряду с портретом, диалогом, интерьером, а как величина, включающая в себя сверхэмпирические ассоциативно-символические смыслы [11], которые превращают пейзаж из обычного фона в полноценное средство выражения центральных идей послереволюционного творчества, раскрытия авторской концепции бытия.

Философская концепция Шмелева-художника такова: природа и человек – это единая система, созданная Всевышним, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено, и если какие-либо изменения произойдут в одной из частей, это обязательно повлечет за собой изменение всей системы.

В качестве доказательства мы можем обратиться к повести «Солнце мертвых» (1923), в которой попытка насильственно изменить социальное устройство жизни привела к изменениям в природе, а как следствие – и к изменениям в душах людей, но, по закону сохранения энергии, ничто не берется ниоткуда и не может исчезнуть без следа, в никуда: Бог уходит из душ людей, но исчезнуть из этого мира он не может, и мы видим, что вместо людей одушевляется, обожествляется природа, именно она становится проводником его заповедей, орудием его карающей руки. Через призму этой философской концепции освещена И.Шмелевым революция и дано ей и любому подобному событию оценка: люди, пытаясь насильственно изменить свою жизнь к лучшему, думают, что делают шаг вперед, а, на самом деле, – это шаг назад, к катастрофе, что и показывает нам автор повести «Солнце мертвых» с помощью изменения пейзажа – превращения цветущей райской земли в мертвую, холодную пустыню (векторы этих изменений не могут быть разнонаправленными, следовательно, какое-то направление является ошибочным, ложным – в том, какое именно – оказывается таким, И.Шмелев не заставляет нас сомневаться – это путь, избранный человеком). Героям повести, утратившим любовь к Богу, природе, ближнему, решившим построить свой, новый, «рай» на костях и крови, кажется, что социум движется вперед, но автор дает читателю понять, что это всего-навсего иллюзия.

Помимо концептуальной функции пейзажа в «Солнце мертвых» следует отметить мифологическую, привнесенную общими художественными исканиями литературы начала XX века.

С одной стороны, мифологическая функция проявляется в реконструкции уже существующих мифов. Это помогает наполнить образы богатой символикой, понять всемерность происходящего. Интересно отметить тот факт, что И.Шмелев обращается не к какой-либо одной группе мифов, а к разным мифологическим пластам. Так, например, образы земли, воды писатель наполняет языческой символикой, а образы сада, павлина – библейской. А солнце, занимающее особое место в художественной системе повести, совмещает в себе два вышеназванных типа символики. Использование этой мифологемы в качестве универсальной культурной формулы позволяет И.Шмелеву привести читателя от Солнца мертвых к Солнцу Правды, от Апокалипсиса к Воскресению.

Мифологизация событий и образов в повести «Лето Господне» (1926) позволяет воспринимать время и место действия не как конкретный год и конкретную страну, а как Время и Пространство в Вечности, усиливает звучание авторских идей. В мифологическом мире «Лета Господня» находят отражение и тесно переплетаются языческие и христианские начала. Это связано с тем, что мир рассматриваемой повести – мир бытового православия, в котором сосуществуют христианские и языческие представления, поэтому и в пейзаже очевидно наличие этих двух начал, которые проявляются в одновременном «обожествлении» и «одушевлении» природы.

Мир, окружающий героев, рисуется как мир, несущий в себе всю красоту земного бытия, и концентрация этой красоты – в природе. В результате пейзаж повести «Лето Господне» становится отображением полноты бытия.

В отличие от повести «Солнце мертвых», в «Лете Господнем» «человеческие» и «природные» фабульно-сюжетные линии сливаются

воедино. Герои повести «Лето Господне» остро чувствуют красоту окружающего мира, чутко реагируют на нее. Природа гармонична, совершенна, и такой создал ее Бог.

Пейзаж в повести «Лето Господне», как и в «Солнце мертвых», начинает выполнять концептуальную функцию. Без Бога нет природы. Вне стремления к природной красоте и гармонии нет человека. Природный мир цикличен и гармоничен, постоянный круговорот обеспечивает его неизменность, вечность. Природа становится эталоном, к которому следует стремиться, чтобы осознать целесообразность и закономерность происходящего, понять смысл собственного существования. В повести «Лето Господне» постичь это дает возможность образ круговорота в природе – естественной смены времен года, дня и ночи, жизни и смерти, цветения и увядания.

Итак, отмечая множественность функции пейзажа в творчестве И.Шмелева (фоновую, психологическую, сюжетно-фабульную, мифологическую, концептуальную), их эволюцию, мы тем самым хотим обозначить движение писателя к поэтике природы (пейзажа), носящей концептуальный характер.

В поздних произведениях писателя природа становится структуро - и смыслообразующим элементом поэтики, в который вписывается шмелевская концепция бытия.

Список использованной литературы:

1. Литературный энциклопедический словарь [Текст] – М.,1987. – С. 742
2. Возрождение реализма [Текст] // Путь правды. – 1994. – 26январь. – С. 3.
3. Дунаев, М.М. Своеобразие реализма И.С.Шмелева: Творчество 1894-1918: Автореф. дис. ...канд. филол. Наук [Текст] – Л.,1979. – С.3.
4. Горький, М. Соч.: В 50т. [Текст] – М.,1955. – т.29. – С. 109.
5. Ashenbrenner M., Konigsberg, 1937.
6. Schrik W., Munhen, 1987.
7. Крейд, В. Дальние берега: Портреты русских писателей эмиграции [Текст] / В. Крейд, И.С. Шмелев – М.,1994. – С. 34.
8. Ильин, И.А. О тьме и просветлении: Кн. художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев [Текст] – М.,1991. – С. 144.
9. Шмелев, И.С. Соч.: В 2 тт. [Текст] – М., 1989. – т.1. –С. 62.
10. Келдыш, В.А. Судьбы критического реализма [Текст] // Русская литература конца XIX- начала XX века, 1903-1917. – М.,1972. - С.127.
11. Иванова, Н.Д. Содержание и принципы филологического изучения пейзажа [Текст] / Н.Д. Иванова // Филологические науки. - 1994. - №5-6. - С. 77.

Bibliographic references:

1. Literary Encyclopedia [Text] – М.,1987. – P. 742
2. The revival of realism [Text] // Way of truth. – 1994. – January 26. – P. 3.
3. Dunaev, M.M. Specific character of I.S. Shmelev realism: Literary works of 1894-1918: Dissertation abstract by the Candidate of Philological Sciences [Text] – L.,1979. – P.3.
4. Gorky, M. Essays: 50 volumes. [Text] – М.,1955. – V.29. – P. 109.
5. Ashenbrenner M., Konigsberg, 1937.
6. Schrik W., Munhen, 1987.
7. Crade, V. Faraway shores: Portraits of Russian poets in exile [Text] / V. Crade, I.S. Shmelev – М.,1994. – P. 34.

8. Iliyina, I.A. Darkness and light: Literary Criticism Book: Bunin, Remizov, Shmelev [Text] – M., 1991. – P. 144.
9. Smelev, I.S. Essays: 2 volumes. [Text] – M., 1989. – V.1. –P. 62.
10. Keldysh, V.A. Critical realism [Text] // Russian literature of the XXI – XX centuries, 1903-1917. – M., 1972. - P.127.
11. Ivanova, N.D. Content and principles of the philological landscape study [Text] / N.D. Ivanova // Philological studies. - 1994. - №5-6. - P. 77.